

составным элементом мира и обладает исключительными свойствами, которые и позволяют ему быть. Соответственно, и путь к Богу у каждого человека свой, и проявляется в различных деяниях. Важным же в любом таком пути становятся радость и раскаяние. Но эти категории необходимо правильно понимать – не любая радость и не любое раскаяние, но радость, освящённая всем своим существом, и раскаяние, меняющее собственную сущность человека, возвышающее его. Отвергается строгое аскетическое служение и глубокое раскаяние по любому греху. Цадрики не приветствуют самобичевание ради спасения, то есть покаяние происходит не ради покаяния, а для улучшения самого себя.

Вообще, ключевыми понятиями в хасидской антропологии становятся единство и диалог. Единство как на уровне единства плоти и духа человека, так и на уровне единства человека и Бога, единства «этого» и «того» миров. И диалог – диалог Бога и человека и человека с самим собой.

Таким образом, именно в антропологии хасидизма можно увидеть его самобытность – соединение мистицизма и мирской направленности, что создало его неповторимый облик и породило особое мироощущение хасидов, особые формы проявления религиозной веры.

Примечания

1. Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 592 с.
2. Бубер М. Хасидские истории. Первые учителя = Die Erzählungen der Chassidim. М.: Ассоциация «Мосты культуры», Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме; Иерусалим: Мосты культуры: Гешарим, 2006. 523 с.
3. Бубер М. Хасидские предания: Первые наставники. М.: Республика, 1997. 335 с.

С. Р. Динабург

г. Пермь, Пермский государственный технический университет

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – «МУЖЕСТВО БЫТЬ»

Современная психотерапия становится мощным антропогенным фактором. Это проявляется не только в наследовании прежним

социальным институтам духовной сферы, объеме услуг данной области социальной практики или факте производства психотерапией специфического человека – homo psychoterapeus – воплощения «западного стиля жизни».

Психотерапия – это не то, что происходит за стенами лечебниц или частных кабинетов. Автор термина, С. Тьюк обозначал им нравственное лечение, возвращающее безумцев к забытой ими истине [4. С. 25]. В этом смысле психотерапевтическая реальность – это и пространство повседневного бытия, и вся эпоха с симптоматикой горя от ума и тоской о возвращении.

Психотерапия преодолевает рамки только деятельности или традиции. Сегодня она пытается освободиться из крепких родительских объятий науки и медицины. Она не только способна заявить, что теперь не является их отраслями и все с точностью наоборот – это она меняет взгляд на человека, модели рациональности и субъектных отношений, и это науке и медицине пора задуматься – что/кого, как и для чего изучать и лечить. Психотерапия способна отстаивать, что она всегда, с самого рождения была иной, несмотря на мировоззренческие установки отцов-основателей – например, психоанализ бы не состоялся как принципиально новый подход, если бы его родоначальник, стремящийся обосновать его научность, не пережил бы инсайт после слов пациентки: «Вы должны сидеть молча и слушать», и не принял бы подлинность этой реальности.

Даже альянс психотерапии с философией в значении «философского праксиса» [4. С. 9] – практического применения различных направлений философии (феноменологии, экзистенциализма, структурализма, лингвистической философии, постмодернизма) или этики как «философии практического разума» не исчерпывает смысла её существования. Нельзя не согласиться также и с тем, что «психотерапия в своих общечеловеческих предпосылках базируется на некоем ... основании – онтологической нужде в другом» [2. С. 4]. Можно еще добавить, что вряд ли кто получит больше пользы от кантовских вопросов, нежели психотерапевт, задающий их себе до, во время и после работы, даже если он о Канте не слышал – вопросы эти суть имплицитная часть его подготовки. Но и это, представляется, далеко не все.

Психотерапия становится самодовлеющей фигурой – персоной, отбрасывающей свою тень. Как персона, она переживает кризисы

идентичности и свои собственные невротические расстройства, пытается сохранить ценностную нейтральность и является мощным проводником этих ценностей в жизнь, реализуя, по М. Фуко, «дискурс господства». Слухи о её не-существовании – на основании того, что она еще не родилась [3. С. 82] или уже умерла [1. С. 8] – делают её героиней креационистских и эсхатологических мифов.

Психотерапевтическая реальность – всегда нечто большее, чем можно описать. Пространство её дефиниций – от «лечения психов» до «последнего доказательства бытия Бога», а если нужно более точное определение, возьмите нужный учебник, согласно семантике и прагматике ситуации. Средства психотерапии (техники и методики), погруженные в новый осмысленный контекст, сами приобретают новый смысл. Принцип авторства [2. С. 97] предполагает, что психотерапевт несет не школу или метод, а себя в преломлении школы или метода; вслед за Фихте можно сказать: психотерапевты – больше своей психотерапии. Однако, и это себя – больше, чем границы личного осознания и опыт, это также и глубины self. Экзистенциальное пространство психотерапевтического процесса включает человеческие смыслы и ценности, а также бессознательное, помимо воли и намерения самого терапевта – психотерапия больше, чем мы осознаем и делаем. Далее, это большее не остается только мистическим переживанием («о чем нельзя говорить, о том следует молчать») – она опять облекается в рамки и границы, в искусство возможного, конкретику места, времени, отношений и ресурсов. Последние, в свою очередь, ничего не гарантирует – может происходить правильная терапия безо всякой терапии, также как и наоборот – нечто непонятное с терапевтическим эффектом. В психотерапии нарушена привычная для деятельностных отношений субъект-объектная схема, это событие, а не деятельность в аспекте движения «цель-средство-результат», и не передача смыслов и знаний. И в то же время, симметричность позиций сторон психотерапевтического процесса, принципиальное равенство собеседников – это равенство «в Боге», в духовно-экзистенциальном пространстве-времени, с возможной обратимостью ролей [2. С. 89]. Во всем остальном – это неравенство, и в проработке личного опыта, и в необходимом патернализме, и в технической компетентности.

В психотерапии ничто напрямую не достигается. Терапевт, чтобы стать Великим Терапевтом, должен преодолеть в себе Великого Терапевта. Пациенты идут в терапию за «покоем»

(освобождением от невроза), за «социальной адаптацией», затем понимают, что «за любовью и дружбой», за «подлинностью отношений». Развивая способность любить, «быть в отношениях» – расстаются. Получают ли искомые «покой», «социальную адаптацию»? Да, но не совсем то, что мыслилось – «духовная перспектива компрометирует всякое наличное бытие, выражает невозможность остановиться – ни на миг, ни на одном утешении или какой бы то ни было истине, ни на интересах или результатах действия, ни на достоверностях знания или веры» [2. С. 89]. Достижение «социальной адаптации», которая на заре развития психотерапии мыслилась вполне конкретной и обозримой задачей «устранения препятствий к любви и работе», приводит сегодня либо к «макдональдс терапии», либо к пониманию, что эффективная терапия основана на идее целого – целого человека во всей перспективе его жизненного пути, то есть «пути в духовном пространстве» [2. С. 96]. Пациенты, приходящие с отчаянием и не верящие в успех терапии, глубоко правы – в случае успеха они получают «то, что никогда не пройдет» (финал известного фильма «Психоаналитик»).

Есть ли в этом какая-то логика, система, здравая опора, наконец? Как вообще можно сохранять какой-то контроль и баланс во всем этом – не просто движении от хаоса к логосу и обратно, а вечном становлении? Какова забытая истина, к которой мы призваны вернуться?

Поиски системы, разумеется, ведутся – в частности, в контексте философско-антропологической проблемы, где основание ищут и находят не в плоскости методологии и теоретической непереводимости языков, а в понимании человека как духовного существа [2. С. 97]. Однако и это не внушает надежд на ясность, которую призвана давать модель – пусть динамической и сложной, но системы. Понимание духовности может означать и мистический предел – поднятый палец, молчаливо указующий в Небо, или дальнейшую дискуссию о духовности, широте её понимания (телесности, социальности и пр.), её альтернативах – обо всем таком, что, как мы знаем, уже порождало и конфессиональность, и религиозные войны.

Психотерапия возвысила переживание и способность выдерживать неопределенность прежде всего как мужество быть в том пространстве, которого мы, честно признаться, не понимаем,

которое «дано» и «действует само». Все системы – именно «для психотерапии» (успокоения нервов) перед лицом этой реальности. Новые повороты в психотерапии происходили тогда, когда достигалось понимание – как еще можно не бороться с собой, и что мы приобретаем, когда можем подлинно сдаться и погрузиться. Мы так любим творить и достигать, что недоверчивы к забытой истине самоисцеления, как будто это само – пустота и ничто, а не Пустота и Ничто.

Примечания

1. *Eisner D. The Death of Psychotherapy: From Freud to Alien Abductions.* Westport, CT: Praeger Publishers, 2000. 235 с.
2. Гуманитарные исследования в психотерапии/ Под общ. ред. Ф.Е.Василюка. М.: МГППУ, ПИ РАО, 2007. 262 с.
3. *Орлов А. Б.* Психотерапия в процессе рождения / Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2006. Т.3. № 1. с. 82-96
4. *Ромек Е. А.* Психотерапия: рождение науки и профессии. Ростов-на-Дону: ООО «Мини Тайп», 2005. 392 с.

Т. В. Дудина
УрГУ им. А. М. Горького

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ – ОТКРЫТЫЙ ВОПРОС

Одной из проблем в уголовном праве, волнующей не только юристов, но и все общество, была и остается проблема смертной казни. В настоящее время ее актуальность связана также и с тем, что сейчас многие государства идут на смягчение законодательства, при этом отменяя и смертную казнь. В связи с этим возникает вопрос о правомерности и допустимости применения смертной казни, а также о ее необходимости и целесообразности.

Смертная казнь – лишение человека жизни в качестве наказания, выносится в соответствии с приговором суда.

Смертная казнь – это один из наиболее древних видов наказания. Исторически смертная казнь «эволюционировала» из древнейшего обычая кровной мести, который существовал еще в догосударственном обществе и выражался в правиле Талиона в формуле «око за око, зуб за зуб». Тогда не покарать преступника, не